

фото Максима Квартального

Наталья Огорелышева

выпускница магистратуры ЕГУ по культурному наследию, организаторка и активная участница исследовательских, культурных и образовательных проектов, авторка более 10 статей. Сфера научных интересов: историко-культурное наследие, еврейское наследие, социокультурная антропология.

Культурное наследие: чья принадлежность и ответственность?

Наталья Огорелышева

Cultural Heritage: Whose Ownership and Responsibility?

Важнейшая характеристика наследия – принадлежность. Наследие всегда чье-то [8, 50].

The article by Natallia Aharelysheva, a graduate of ENU's MA Program in Cultural Heritage, is an attempt to understand what has been happening in the field of cultural heritage in recent years. The author focuses on cases and practices, the study of which she was directly involved in – these are the monastic complexes of Belarus; churches and synagogues of the Gomel region. A part is devoted to synagogues of the Homel region is a part of the research project launched at ENU.

Так чье же все-таки наследие? И почему для нас так важны причастность и присвоение? Теория культурного наследия предполагает наличие вокруг объекта отношений и разнообразных интерпретационных моделей, зачастую вызывающих споры и конфликты. Поэтому наследие всегда живое и подвижное. Британский исследователь Грегори Дж. Эшворт пишет о том, что наследие предполагает наследника и определяется только по отношению к этому реально существующему или гипотетическому потребителю. Точнее, нет единого продукта национального наследия, но есть почти бесконечное разнообразие наследий, каждое из которых создано в соответствии с запросами конкретной группы [11].

С 2009 года я изучаю дисциплины, связанные с культурным наследием. За такое время в этой сфере многое изменилось. И если на историческом факультете БГУ меня интересовали монастырские комплексы Беларуси, то в магистратуре ЕГУ я решила сосредоточиться

на локальном контексте – проблематике синагог Гомельской области. Поэтому данная статья – это рефлексия над тем, что происходит в сфере белорусского наследия в последние несколько лет и попытка разобраться с этими процессами.

На первый взгляд может показаться, что внесение зданий в Государственный список историко-культурных ценностей – это обязательный и очень важный шаг, предполагающий ответственность, охрану, а также последующие консервацию, реставрацию, реконструкцию и т. д. Однако все это не происходит само собой: работа с наследием – это, прежде всего, работа с акторами, носителями и держателями смыслов. Это и представители власти, и эксперты, и «прямые наследники» – представители различных сообществ. Их главная функция – договориться между собой и выработать четкий алгоритм действий. Вот здесь и начинается конфликтное поле, т. к. различные группы акторов по-разному видят свою роль при работе с наследием.

Можно выделить следующие основные группы конфликтов:

1. Конфликт ценностей: один и тот же памятник, имеющий длительную историю, в разных временных срезах может представлять интерес для различных профессиональных, религиозных или национальных сообществ;
2. Конфликт эстетических представлений и вкусов. Этот тип конфликта чаще всего встречается при реставрации и экспонировании памятников;
3. Конфликт техник, методик и способов проведения тех или иных работ (например, реставрационных). Здесь нередки разногласия между заказчиками, подрядчиками, научными кураторами, что порождает разбежку в концепциях, сроках работ и сметной стоимости [3].

Православное наследие: интервенции и репликации

Все вышеописанное будет рассмотрено далее на конкретных примерах, показывающих, что дальнейшая судьба памятников, даже если они находятся в Государственном списке историко-культурных ценностей, весьма непредсказуема.

Один из самых известных белорусских монастырей – Свято-Успенский Жировичский мужской монастырь, расположенный недалеко от Слонима. Он имеет для Беларуси такое же значение, как Троице-Сергиева лавра для России, Киево-Печерская лавра для Украины и Ченстоховский монастырь для Польши. В 2020 году монастырь отметил две памятные даты – 550-летие обретения чудотворной Жировичской иконы Божией Матери и 500-летие основания. В начале мая 2020 года в СМИ прозвучала информация о том, что к монастырским торжествам, намеченным на 19–20 мая, планируется возведение новой 57-метровой колокольни. Данный проект финансировался ВТБ-банком (Беларусь) при участии губернатора Свердловской области и руководителей Воронежской и Новгородской областей. В апреле колокола были отлиты на воронежском «Колоколотейном заводе Анисимова», а в мае их доставили в монастырь вместе с временной звонницей и будущей колокольной. На самом большом колоколе выгравированы имена А. Лукашенко и В. Путина [9].

На сегодняшний день совокупность зданий монастырского комплекса можно рассматривать как единый организм, динамично и синхронно развивающийся во времени. Однако «внедрение» колокольни вызовет изменение как пространственной, так и культурной панорамы монастырского комплекса. Пока же строительство отложено на неопределенное время. Так сама жизнь внесла коррективы, и у нас есть время для размышления: на самом ли деле монастырю нужна новая колокольня?

Одна колокольня у монастыря уже есть, а подаренные к монастырским торжествам колокола «неплохо себя чувствуют» на временной звоннице.

Анализируя аргументацию сторон, не стоит забывать, что здесь имеют значение не только институт религии, но также и структуры власти, и восприятие памятника гражданским обществом. Хорошо бы, чтоб над этим задумались заказчики и исполнители проекта строительства новой колокольни Жировичского Свято-Успенского монастыря.

В современной истории Беларуси нередки случаи, когда памятник проще отстроить вновь, чем спасти. Один из примеров такого отношения к наследию – история с деревянной Покровской церковью в Петрикове Гомельской области, которую можно охарактеризовать как «сохранить нельзя построить». Изначально церковь была построена в 1836 году в деревне Сотничи Петриковского района. Это деревянная старообрядческая церковь, которую в середине XIX века аккуратно разобрали и перенесли на окраину Петрикова. Постепенно вокруг церкви выросло кладбище. Уникальность церкви состояла в том, что она была полностью деревянной (сруб с аутентичной дранкой) и самой старой из деревянных церквей на Гомельщине. Службы проводились там до конца 1960-х годов. [4, 8].

Несмотря на то, что церковь находилась в Государственном списке историко-культурных ценностей («2» категория), это не спасло ее от разрушения. Местные активисты боролись за ее сохранение: писали статьи и пытались «достучаться» до чиновников. В 2006 году был сделан проект реставрации, но из-за отсутствия финансирования работы так и не начались. В 2009 году в результате сильного дождя и ветра купол и крыша здания провалились внутрь, а по периметру остались только стены из сруба. Тогда было принято решение проводить реставрацию, но со смещением здания на сто метров. Проводить работы

на прежнем месте было невозможно – пришлось бы перезахоронить 40 могил. В итоге строительство нового храма, претендующего на «точную копию» утраченного, началось за оградой кладбища на въезде в Петриков.

Строящийся храм является типичным деревянным «новоделом» с кровлей из рубероида и оцинкованным железом на куполе. Он не является памятником культуры. Скорее, это воспоминание о временах не сохранившемся храме. Однако, на внешней стене строения уже появилась охранная табличка о том, что это церковь конца XVII – начала XVIII века. Информация дублируется и в Государственном списке историко-культурных ценностей (№312Г000550, категория – недвижимая (!) ИКЦ) [2].

В том же Петрикове находится Свято-Вознесенская церковь, построенная в 1890 году. За свою историю церковь успела побывать складом соли, прибежищем для партизан-подпольщиков, пивным баром и кафе «Мороженое». Несмотря на постоянные изменения функционального назначения, церкви удалось сохранить исторический красный цвет с белыми элементами декора. В 1991 году здание вернули верующим, а в начале 2000-х годов было принято решение о проведении в нем реставрационных работ [10]. Параллельно с этим храм внесли в Государственный список историко-культурных ценностей (№313Г000548, «3» категория). Казалось бы, все эти изменения только во благо памятника, однако при завершении реставрационных работ было решено перекрасить его в «веселые» – ярко-желтый и изумрудный – цвета. В результате потерялся изначальный смысл церкви как визитной карточки города, ведь в перекрашенном виде она ничем не отличается от расположенной недалеко детской площадки. Это яркий пример того, как судьбу памятника решают «непосредственные владельцы» – настоятель и районный исполнительный комитет – без учета мнения прихожан и экспертов.

Синагоги Гомельской области:
разные судьбы – разные решения

На сегодняшний день в Беларуси в разной степени сохранности существует 124 здания синагог, из которых 66 перестроены, часть в руинах, а остальные используются с различными функциями [6, 3]. В Гомельской области расположено меньше всего синагог (семь), в связи с чем этот регион представляет определенный интерес. Ситуация с синагогами Гомельской области выглядит так:

Категории	Гомель	Калин-ковичи	Чечерск	г/п Паричи
синагоги, существующие в историческом здании	+			
другие объекты в зданиях синагог	+	+	+	+
здания синагог, имеющие статус ИКЦ			+	
новые здания синагог		+		

Как видно из таблицы, большинство синагог «присвоены» другими собственниками. Чаще всего это происходит при стечении следующих факторов: нет потребности использования зданий синагог в первоначальном виде (малочисленность еврейских общин, а то и полное их отсутствие), исчезнувшая память о еврейском наследии и еврейской культуре, случаи вандализма и нетолерантности. Причем, одна и та же синагога может оказаться в двух категориях (Чечерск), в одном здании синагоги могут сосуществовать два религиозных направления, а в других зданиях – различные учреждения (Гомель), или же здания синагог могут располагаться рядом – бывшее и нынешнее (Калинковичи).

Самыми интересными кейсами, на мой взгляд, являются здания синагог в Чечерске и Калинковичах.

Здание синагоги в Чечерске – единственное в Гомельской области, которое находится в Государственном списке историко-культурных ценностей («3» категория). Это кирпичное и прямоугольное в плане здание с деревянной крышей и утеплением. Синагога была построена в конце XIX века. Сохранилась лестница, ведущая на мансардный этаж – в женское отделение. По углам здания и на фасаде сделано частичное раскрытие – экспозиция предыдущего слоя [6, 144]. В настоящее время зданием владеют христиане-баптисты, поэтому на нем соседствуют две вывески: охранная – о том, что это здание синагоги XIX века – и информационная, поясняющая новую функцию.

Мне было интересно, как эту ситуацию прокомментируют «наследники» синагог – евреи/еврейские сообщества как «держатели смыслов», поэтому вопрос о новой христианской функции бывшей чечерской синагоги я включила в некоторые интервью с представителями еврейских общин Беларуси и Израиля, а также с нерелигиозными евреями. В итоге я получила следующие реакции, варьирующиеся от негативных до восторженных¹:

- Ну, это вообще ужас! Это недопустимо;
- Это осквернение синагоги;
- Баптисты – самая «мягкая» из христианских конфессий, хорошо, хоть так получилось;
- Да нормально. Тоже самое было и в Воропаево (Витебская область), когда то ли синагога, то ли дом еврейского купца был перестроен в храм. Или как София в Стамбуле стала мечетью – в истории всегда были такие заимствования. А вообще ряд древних синагог – это перестройка языческих храмов;
- Это «гримасы истории»;
- Очень печально, но факт.

¹ Все интервью – из архива авторки.

Кроме того, мне удалось взять интервью у представительницы еврейской общины Минска, детство и юность которой прошли в Чечерске: «Баптисты занимают все два этажа здания. Они верят, что спасутся благодаря евреям за то, что никогда их не преследовали. Баптисты приглашали моих родителей на свои молебны, потому что хотели быть ближе к евреям. Также есть поверье, что баптисты спасутся, ухватившись за полы еврейской одежды».

Ситуация в Калинковичах интересна тем, что на улице Белова друг напротив друга стоят два здания синагог – бывшее и нынешнее. После 1947 года было принято решение отдать еврейской общине Калинковичей под синагогу бывший жилой дом по ул. Белова, 12. В 1949 году это была вторая действующая синагога в БССР после Минска. Но в 1960-е годы решением Гомельского облисполкома «За нарушение советского законодательства» общину сняли с регистра-

ции, а синагогу закрыли [6, 67]. Ее здание передали вневедомственной охране, кардинально перестроили, обложили кирпичом, а в 2000-е годы обшили сайдингом. К лету 2019 года здание опустело, т. к. для размещения вневедомственной охраны было выделено другое здание – по ул. 50 лет Октября.

Еврейская религиозная община Калинковичей (на сегодняшний день составляет около 60 человек) в начале 2000-х годов выкупила дом по ул. Белова, 27 и присвоила ему статус синагоги. На мой вопрос о том, планирует ли община возвращать пустующее здание напротив, председатель ответил так: «Они там все переоборудовали, перестроили все внутри. Я даже туда не заходил – мне не было надобности. Что там искать? Там только комнаты». Получается, что в данном случае для еврейской общины важнее то здание, которое она выкупила и наделила особым синагогальным смыслом, а в предыдущем историческом здании синагоги эти смыслы уже стерты.

Заклучение

Культурное наследие – это колоссальный источник смыслов, практик и интерпретаций. И в каждом конкретном случае на каждом конкретном объекте все будет реализовано и воспринято абсолютно по-разному, потому что никогда нельзя предугадать и предусмотреть, как «будет лучше» для данного объекта. Всегда необходимо учитывать отношения и коммуникативные практики, складывающиеся вокруг объекта культурного наследия. Одновременно это то, на что, к сожалению, меньше всего обращают внимание представители власти, от решений которых зависит судьба конкретного объекта. По-прежнему не выработан конструктивный диалог с «носителями смыслов», а все попытки решить «как лучше» в кабинетах чиновников заканчиваются конфликтами. Тем более, в современной ситуации, сложившейся в Беларуси, когда произошла ликвидация многих значимых культурных организаций и объединений. Но пока основные акторы наследия даже в такой сложный период способны мыслить и предлагать решения «на перспективу», возможны выходы и удачные креативные решения.

Использованная литература

- [1] Глобус Беларуси. Архитектурные и иные достопримечательности Беларуси // <https://globustut.by/> (20.06.2022).
- [2] Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь // <http://gosspisok.gov.by/> (20.06.2022).
- [3] Материалы международной летней он-лайн школы «Наследие и конфликт: европейские идеи и инструменты работы с культурными ценностями». Вильнюс, 2021. 96 с.
- [4] Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Петрыкаўскага раёна. Мінск: Ураджай, 1994. 639 с.
- [5] Приходы и монастыри Белорусской Православной Церкви: справочник. Минск: Свято-Петро-Павловский собор, 2011. 336 с.
- [6] Райхинштейн, М.; Еременко, А. Синагоги Беларуси. Каталог существующих зданий. Иерусалим, 2019. 148 с.
- [7] Стурейко, С. А. Антропология архитектурного наследия: взгляд на Беларусь. Минск: Юнипак, 2010. 184 с.
- [8] Стурейко, С. А. Беспокойные камни. 9 эссе для нового понимания архитектурного наследия. Гродно: ЮрСаПринт, 2017. 288 с.
- [9] Торжества по случаю 500-летия Жировичского монастыря из-за коронавируса перенесены на более поздний срок // <http://s13.ru/archives/zhirovischi-4> (20.06.2022).
- [10] Храм Вознесения Господня // <http://www.turov.by/http%3A/%252Fwww.turov.by/eparhia/temples/33> (20.06.2022).
- [11] Эшворт, Г. От истории к наследию – от наследия к идентичности: в поисках понятий и мод // https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/114_nz_4_2017/article/12652/.